

седы». В ранней редакции «Опыта исторического словаря о русских писателях» Евгений говорит: «Г. вице-адмирал Александр Семенович Шишков, известный сочинитель книги *О старом и новом слоге российского языка*, в представленных Российской Академии *Примечаниях* своих на *Песнь о походе Игоря на Половцов* доказывает из сей самой песни, что, кроме сочинителя оной и упоминаемого в ней певца Бояна, существовали в древние времена русские писатели, стихотворческим духом и высокостию мыслей исполненные».¹² Евгений ссылается не на печатный текст, а, очевидно, на рукопись представленных в Академию примечаний, так как, судя по письму Шишкова к Хераскову (см. выше), первая часть «Сочинений и переводов» вышла, вероятно, не ранее октября — Шишков не послал бы маститому старцу свою работу долго спустя после выхода. Евгений же послал в Москву статью о Бояне в мае 1805 г.,¹³ т. е. еще до выхода в свет работы Шишкова. Таким образом, мысли Шишкова были для Евгения настолько важны, что он потропился включить их в публикацию словаря, не дожидаясь появления печатного текста.

Позднее Евгений охладел к представлениям Шишкова, что древняя литература была богата авторами: ссылки на Шишкова в отдельном издании «Словаря», вышедшем уже после смерти Евгения, нет. В 1815 г. он пишет Державину только о Бояне: «Песнопевцу полку Игорева сохранил нам память о некотором Бояне, которого называет он соловьем старого времени и внуком Велесовым... вот первый известный нам славянорусский лирик, которого однакож ни сочинений, ни жизни, ни века мы не знаем».¹⁴

Шишков рассматривает «Слово» как героическую песнь («песнью» он, кстати сказать, вслед за первым изданием называет памятник в своем переводе), и поэтому основой русского текста в связи с жанровой системой, определенной еще Ломоносовым, становится «высокий штиль», в котором основную стилиобразующую роль играют славянизмы. Это особенно хорошо заметно в тех многочисленных местах перевода, которые не имеют соответствий в оригинале: «Но кто сей, исполнну подобный, шествует бодро и грозно? Отчего толика радость в войске Игоревом, и на кого взоры всех обращаются?» (VII, 128); «Россияне... в молчании грядут...» (VII, 130): «Се корысть, рекут воины, достойная великого вождя нашего и драгоценнейшая в очах его, чем золото и паволоки» (VII, 131) и т. д. Шишков использует не только лексические, но и синтаксические славянизмы. Таков, например, дательный самостоятельный: «Тако разбиту, рассеяну врагу, далеко залетевшее храброе гнездо Ольгово дремлет в поле» (VII, 131).

Сравнительно малое влияние на перевод Шишкова оказало «оссиановское» восприятие памятника (т. е. прежде всего изображение мрачных картин природы, кровавых битв, призраков и прочего и соотнесение всего этого с настроением героев),¹⁵ широко распространенное в литературе, на-

¹² Евгений. Опыт исторического словаря о русских писателях. — Друг просвещения, М., 1805, ч. 3, № 8, август, стр. 156—157.

¹³ См.: Переписка Евгения с графом Д. И. Хвостовым. — Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 5, вып. 1, СПб., 1868, стр. 122.

¹⁴ Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е академич. изд., т. 7, СПб., 1878, стр. 623.

¹⁵ Об «оссианизме» «Слова» см.: Ю. М. Лотман. «Слово» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — Сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 364 и сл.